

УДК 81

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/52/78>

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, ВЫРАЖАЮЩИЕ СЕМАНТИКУ ПРОСТОЙ ПОВТОРЯЕМОСТИ ДЕЙСТВИЯ В КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКЕ

©*Шаршеева К. К.*, ORCID: 0000-0001-9099-9142, Кыргызско-российский славянский университет, г. Бишкек, Кыргызстан, sharsheeva7575757@mail.ru

LANGUAGE TOOLS EXPRESSING THE SEMANTICS OF SIMPLE REPEATABILITY OF ACTION IN THE KYRGYZ LANGUAGE

©*Sharsheeva K.*, ORCID: 0000-0001-9099-9142, Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan, sharsheeva7575757@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ситуации простой повторяемости действия, обыкновенности (узуальности) в кыргызском и в некоторых тюркских языках. Простая повторяемость действия является одной из аспектуально–темпоральных значений временной нелокализованности. Повторяемость действия сопряжена с оценкой того, что повторяется регулярно или нерегулярно, как выходящего за рамки конкретного эпизода. Исходя из содержания теоретических вопросов были приведены соответствующие иллюстративные материалы.

Abstract. The article deals with situations of simple repetition of action, commonness in the Kyrgyz and some Turkic languages. The simple repeatability of an action is one of the aspectual–temporal meanings of temporary non-localization. Repeatability of the action is associated with an assessment of what is repeated regularly or irregularly, as going beyond a specific episode. Based on the content of theoretical questions, corresponding illustrative materials were given.

Ключевые слова: кыргызский язык, простая повторяемость, обыкновенность, временная нелокализованность, аспектуальность, категория времени.

Keywords: Kyrgyz language, simple repeatability, commonness, temporary non-localization, aspectuality, time category.

Целью статьи является анализ простой повторяемости действия в современном кыргызском языке.

Как известно, характер протекания действия и особенности его распределения во времени (выражаемые и лексически и грамматически), сама возможность действия локализоваться в том или ином временном периоде могут оцениваться по разным критериям, что приводит к созданию многоуровневой классификации аспектуальных значений. В этой связи можно привести мнение Ю. С. Маслова, который выделял на первом этапе анализа два типа аспектуальности: качественную и количественную [1, с. 44].

Качественная аспектуальность охватывает такие семантические оппозиции, как:

- 1) противопоставление процесса состоянию или статическому отношению;
- 2) противопоставление предельного действия действию непредельному;

3) противопоставление действия, достигшего своего предела, действию, хотя и направленному на предел, на рассматриваемому в той базе, когда предел еще не достигнут.

В отличие от качественной, количественная аспектуальность «характеризует действия и состояние по иным критериям, а именно:

- 1) по количеству «крат» или непрерывности/прерывности осуществления,
- 2) по степени длительности и
- 3) по степени интенсивности [1, с. 44].

В данной классификации речь идет о противопоставлении локализованности и вневременности. Положение о том, что в ситуациях вневременности временная нелокализованность действия является общепринятым в современной лингвистике. Однако в работах А. В. Бондарко помимо вневременности, выделяется еще два типа: простая повторяемость и узуальность.

Из упомянутых выше двух типов временной нелокализованности действия простая повторяемость имеет разные, иногда взаимоисключающие определения среди ученых–лингвистов. Поскольку данный тип в некоторых конкретных случаях относится к категории временной локализованности. Так, например, простая повторяемость, локализованная во времени Т. А. Булыгиной определяется следующим образом: «события и процессы, представленные как конкретные, реально происходящие (происходившие, произошедшие) в некоторый момент или период времени, а также ситуации и состояния, относящие к конкретному временному отрезку». По мнению автора, реальные события повторяющиеся неопределенное число раз, выражаемые с помощью предикаций (вроде *каждый раз, когда открывал дверь я замечал ...*) имеют значение временной локализованности, хотя и неопределенной» [2, с. 19].

Следует отметить, что приведенное выше мнение имеет основу, поскольку «простая повторяемость» в данной ситуации имеет конкретную семантику, хотя и выражает более «широкое», нелокализованное во времени действие. Поэтому упомянутые выше действия, несмотря на наличие в них внешнего признака временной локализованности, относятся к действиям, имеющим семантику временной нелокализованности. По данному вопросу А. В. Бондарко придерживается следующего мнения: «В выражаемой семантике наряду с конкретной временной локализованностью более широкой ситуации представлена временная локализованность каждого из повторяющихся действий, хотя и ограниченная рамками того эпизода, о котором идет речь. Иначе говоря, обозначаемая ситуация наряду с элементами конкретности включает в себе и признаки неконкретности (хотя и ограниченной, относительной). Проанализируем высказывание: *Посмотри, огонек горит, то вспыхнет, то погаснет*. Общая ситуация конкретна и наблюдаема. Однако в рамках отрезка настоящего времени представлены неограниченно повторяющиеся (чередующиеся) действия, причем каждое из них — в рамках актуальной ситуации непосредственного наблюдения — все же не привязано лишь к одному моменту времени, и в этом смысле речь должна идти, на наш взгляд, о временной нелокализованности (хотя и ограниченной, совмещающейся с признаком конкретности)» [3, с. 219]. Из сказанного следует, что несмотря на наличие признака конкретности в приведенных выше примерах представлены неограниченно повторяющиеся (чередующиеся) действия, которые никак не связаны с конкретным отрезком времени, что показывает их принадлежность к разряду действий временной нелокализованности.

В кыргызском языке действия с подобной семантикой, как правило, выражаются через комбинацию аффиксов причастий *-а, -ын* и вспомогательных глаголов *-турган, -турган эле*, которые в сочетании выражают семантику неограниченно повторяющегося действия в

рамках отрезка прошедшего времени [4, с. 437]. Например: *Ошол саатта анын жандүйнөсү ыр болуп төгүлүп турган эле* – В тот удивительный миг его душа наполнялась песней (Ч. Айтматов). *Башында Жамила Чоңмурунга ачуулана, таарына турган — Поначалу Жамила злилась и обижалась на Чонмуруна (К. Баялинов). Мына, жыйган-тергенибизди биз чал-кемпир кошо алып кетмек белек... Кадыр-баркыңды сактасаң, энчиңе бак-дөөлөт сактаганың ошол, балам! — деп эскерте турган — А у тебя, слава богу, останется все, что нажили мы, старики, — в могилу ведь с собой не возьмем. Только счастье — оно живет у того, кто честь и совесть свою бережет. Помни об этом, соблюдай себя! — так говорили ему (Ч. Айтматов).*

Семантика неограниченного повторяющегося действия, в рамках отрезка прошедшего времени в татарском языке имеет аналогичную грамматическую форму с кыргызским языком. Иными словами, путем сочетания аффикса — *a* со сложным глаголом *тор-ган идем* выражается действия с неопределенным количеством «крат», имеющее семантику непрерывности и длительности: *Кыш коннэрне ул почта йорте турган идем*. Зимой он обычно возил почту. *Илморза гел курчак театрын телгэ ада торгам иде* — «Ильмурза всегда упоминал кукольный театр» [5, с. 57].

В кумыкском языке такие формы прошедшего времени как — *я турган эди*, — *ып турган эди* выражают регулярность, повторяемость действия: *Баш вакъыт ачувлана, чекелене турган эдим* (И. Ибрагимов) «В первое время я злился, обижался»; *Баш вакъыти Магъамматзапирни артындан бригадирибиз оъзю юрюп тургъан эди* (Атаева) «В первое время наш бригадир сам ходил за Магомедзапиром» [6, с. 2010].

Помимо упомянутых выше аспектуальных значений в кыргызском языке глаголы выражают незавершенное действие, т. е. действие которое протекает в момент речи и имеет продолжение в будущем времени, которые образуются путем сочетания причастий и вспомогательных глаголов как *жат*, *отур*, *тур*, *жүр*, *бер* и ряда других вспомогательных глаголов.

В кыргызском языке аналитический глагол V2 — *жүр* выражает привычное повторяющееся действие: *Жигиттер жоо кийими менен жатып жүрүшкөн* – Воины ложились спать в боевой форме (К. Жантошев). *Мени көргөн сайын өзүнүн башынан өткөнүн сүйлөп берип жүрдү* — При каждой встрече он рассказывал о том, что ему пришлось пережить (К. Жантошев). *Өткөн жылы Түлкүбек айткандыктан, Сансыз Каныбекти ээрчитип кой кайтарып жүрөт* — В прошлом году Сансызу было сказано научить Каныбека пасти овец самостоятельно. Выполняя указание Түлкүбека, Сансыз с Каныбеком пасут овец (К. Жантошев). «Жүр» употребляется со значением повтора действия смыслового глагола. Этим повторяющимся действием является «кайтар» (пасти), т. е. с прошлого года Сансыз берет с собой сына Каныбека пасти овец. Сансыз поступал так, как велел его хозяин. И это действие повторяется каждый день в течение года.

Еще одно предложение, где повторяемость выражена и лексически: *Баягы жерге төрт жолу келип таппай кайта кетип жүрдүк* – Мы приходили четыре раза в то самое место, и не находя вас, мы возвращались (К. Жантошев). Значение передвижения передается смысловым глаголом «кет». Вспомогательный глагол «жүр» может прибавляться к первично образованной аналитической форме глагола с вспомогательными глаголами второй группы для выражения повторяемости [7, с. 109].

Семантика обычности, повторяемости действия характерна и другим тюркским языкам, в которых эти действия протекают в момент речи либо имеют признак временной нелокализации: *Папирос чекасизми? — Чекаман (узб)*. «— Вы курите? — Курю» [8, с. 210]. Аналогичная форма характерна и кыргызскому языку: *Тамеки тартасызбы/чегесизби?*

— *Тартамын/чегемин*. Эти глаголы встречаются в рунических письменных памятниках, что доказывает древнее происхождения данных грамматических форм [9, с. 220]. Грамматическая форма причастия *-ар* в сочетании с вспомогательными глаголами выражает действие протекающий не только в настоящее время, но и действие которое должно реализоваться в будущем. Регулярность действия имеет признак узуальности, относительно которой А. В. Бондарко придерживается следующего мнения: «Повторяемость действия приобретает особое свойство: она сопряжена с оценкой того, что повторяется (регулярно или нерегулярно), как выходящего за рамки конкретного эпизода и конкретного (конкретно наблюдаемого) ряда повторений. Обычность всегда предполагает перспективу аналогичных повторений (реальные повторения плюс возможные). Тем самым она всегда связана с той или иной мерой типичности (для какого-то периода в прошлом, для прошлого в целом, для широкого временного плана, охватывающее прошлое и настоящее). Основа обычности (узуальности) — это обобщение опыта говорящего или представляемой им группы людей. Существенным признаком данного типа временной нелокализованности является то, что в данном случае возможен как конкретный субъект, так и обобщенный субъект [3, с. 217]. Как уже отмечено выше, отличительным признаком временной нелокализованности является возможность осуществления действия со стороны не только конкретного и обобщенного субъекта. В качестве иллюстраций можно привести следующие предложения в кыргызском языке: *Менин бир өзгөчө касиетим бар: мен бир нерсени бат кабыл алам — У меня есть особая черта: я быстро воспринимаю что-то новое. Таңдын атышы мени дайыма шыктандырат, анын куугүмдө батышы капалантат — Каждый новый рассвет меня вдохновляет, а закат всегда огорчает* (К. Жантошев). *Мен нан жебейм алдан тайып турганда, мен суу ичпейм таңдай катып турганда — Я хлеба не ем когда силы покидают, я воду не пью когда жажда одолевает* (А. Осмонов). *Бала жыл сайын айылга чоң энесине барат — Мальчик каждый год ездит к бабушке в аул* (М. Байжиев).

Еще одним признаком простой повторяемости в кыргызском языке является то, что она имеет семантический оттенок воспоминания, представления о каких-либо событиях, предметах. А сложные глаголы в предложениях с подобной семантикой образуются через комбинацию аффикса *-ар* и частицы *эле* либо аффикса *-а* и глагольной формы *болор эле*: *Ар күн сайын Раушан мага жаңы-жаңы касиеттерин билдирер эле — Каждый раз Раушан раскрывала свои новые черты характера* (К. Жантошев). *Менин атам: «Карынын сөзүн капка сал», — деп айтар эле — Мой отец говорил: «Слова старца собирай в мешок».* *Бурмаке күндө ушул убакыт ченде бир маал талкан салып, чай ичип алганда боргулданып, бүткөн боюнан тер кетип, жыргап калаар эле — Бурмаке каждый день в это время наслаждалась чаем с толокном, вспотев она успокаивалась* (М. Элебаев). Принципиальная особенность действий в приведенных примерах заключается в конкретности субъекта, посредством которого реализуется регулярное, последовательное и длительное действие выражаемое сложно вербальными формами: *Самолет Бишкектен Москвага учат — Самолет летит из Бишкека в Москву. Самолет Москвадан Санкт-Петербургга учат — Самолет летит из Москвы в Санкт-Петербург. Поезд Бишкектен туура Балыкчыга жүрөр эле — Поезд шел из Бишкека прямо в Балыкчы. Шаардан айылга автобус байма-бай каттап турар эле — Из города в деревню регулярно ходил автобус. Биз айылдын аксакалдары санжырадан кеп салганда кунт коюп угуп калар элек — Мы внимательно слушали аксакалов нашего аула, когда они заводили речь о родословной* (К. Жантошев).

Так же для выражения обычности действия в кыргызском языке употребляется аффикс длительного прошедшего времени с оттенком обычности, употребляются три параллельных

образования на –уучу, —учу, —чу. Например: *Акмат күн чоң шашке болгонго чейин ордунан туруучу эмес — Акмат обычно не вставал с постели до полудня* (К. Баялинов).

Как и во многих тюркских языках в кыргызском языке с помощью грамматической формы будущего времени –ар выражается семантика воспоминания: *Керебеттен акырын туруп отургучка олтурар эле — Осторожно вставал с кровати и садился на стул. Акмат молдо күнүгө китеп окуп олтурар эле — Мулла Ахмад каждый день читал книгу* (К. Жантошев). ... *Үйүнө барганда эшикке узатып чыгар эле — Каждый раз он провожал нас, когда мы бывали у него дома* (К. Баялинов). Помимо упомянутых выше семантических оттенков во многих тюркских языках, в том числе и в кыргызском языке путем применения аффикса –ар передается смысл неограниченно повторяющегося, длительного действия. Данная проблема была изучена многими учеными–тюркологами, к числу которых следует отнести и Н. А. Баскакова, которым семантика грамматической формы –ар характеризуется следующим образом: «... семантика причастия на –ар всегда связана семантикой длительности, обычности, постоянства, привычки, желания, стремления к совершению данного действия» [10, с. 426].

Таким образом, аналитические формы прошедшего времени выражают такие аспектуальные значения как непрерывность, достоверно продолжительность действия, а также действие с кратковременными перерывами. Что касается экспликации предела продолжительности того или иного действия, то семантика предела выражается с помощью грамматической формы причастия –ганча, а также может быть конкретизирована лексическими детерминантами времени: *Вокзалга түшкөнүмдө алактап далайга дейре өткөн элди карап турдум — Приехав на вокзал, я долго смотрел на суетливую толпу*. (М. Байджиев). *Ал түнү кирпик какпай, мурдагыдай чакыйып терезени көпкө тиктеп карап турду — Он вовсе не сомкнул глаз за всю ночь, долго и пристально смотрел в окно* (М. Байджиев). *Жапар Айша келгенче бир сөз айтпай унчукпай күтүп турду — Джапар не промолвил ни слова до тех пор, пока не пришла Айша* (К. Баялинов). *Тойчубек кырдандарын кыдырып келгенче Бурулча самоорун коюп күтүп турду — Бурулча поставила самовар и ждала Тойчубека, пока тот не пришел с гумна* (К. Баялинов). *Мен бир жылдай атамдын кичине чарбасында кыбырап турдум — Я около года работал в маленьком хозяйстве отца. Ал көп күндөр ойго батып жүрдү* (К. Баялинов) — *Он в течение многих дней был погружен в тяжёлые думы*.

Помимо лексико–грамматических средств выражения аспектуальности в кыргызском языке, как и в русском, существуют лексические показатели аспектуальности. Семантика повторяющегося и обобщенного действия конкретизируется путем применения лексических детерминантов. В частности, таким лексическим детерминантам в кыргызском языке можно отнести такие слова как *кез-кезде (изредка), кээде (иногда), дайыма (постоянно, всегда): Чүкөбай дайыма ишеничтүү адамды таап, ага жумушту тапшыра турган — Для поручения дела Чукобай каждый раз находил надежных людей. Нурбай кийикке чыкканда дайыма киши ээрчитип чыгып жүрдү — Когда выходил на охоту Нурбай постоянно брал с собой еще одного человека* (К. Баялинов).

Повторяемость действия в пределах настоящего времени в кыргызском языке может иметь обобщенно–личную семантику: *Бирге туруп жана бирге сырлар чечебиз — Вместе живем и секретами делимся. Биз алардын ким экенин билбейбиз, тааныбайбыз — Мы не знаем кто они такие, не знакомы с ними*.

Как видно из приведенных выше примеров, аспектуально–темпоральное значение временной нелокализованности выражается путем употребления языковых единиц, которым характерна функционально–семантическая категория персональности. Т. е. в едином семантическом комплексе сочетаются обобщенность и элементы субъекта.

Из всего сказанного следует, что упомянутые выше вопросы, касающиеся аспектуальных значений, семантических оттенков разного рода действий и их реализация с помощью лексических и грамматических средств, остаются в числе малоизученных вопросов в области лингвистической тюркологии в целом и кыргызского языкознания в частности.

Список литературы:

1. Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978. С. 4-44.
2. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
3. Бондарко А. В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 210-234.
4. Азыркы кыргыз адабий тили: Фонетика, Лексикология, Лексикография, Фразеология, Морфология, Синтаксис. Бишкек, 2009.
5. Серебренников Б. А. Система времен татарского глагола. Казань, 1963.
6. Байтүвганова И. Ж. Категория временной локализованности действия в современном кумыкском языке: дисс. ... канд. фил. наук. Махачкала. 2010.
7. Карыбаев А., Касымова Б. Средства выражения видовых значений глагола в кыргызском языке. Бишкек, 2001.
8. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.,-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
9. Кондратьев А. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VII-XI вв. Л., 1981.
10. Баскаков Н. А. Каракалпакский язык // Фонетика и морфология. М., 1952.

References:

1. Maslov, Yu. S. (1978). K osnovaniyam sopostavitel'noi aspektologii. In *Voprosy sopostavitel'noi aspektologii*, Leningrad, 4-44. (in Russian).
2. Bulygina, T. V. (1982). K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke. In *Semanticheskie tipy predikatov*, Moscow. (in Russian).
3. Bondarko, A. V. (1987). Vremennaya lokalizovannost'. In *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'*, Taksis. Leningrad, 210-234. (in Russian).
4. Azyrky kyrgyz adabii tili: Fonetika, Leksikologiya, Leksikografiya, Frazeologiya, Morfologiya, Sintaksis. (2009). Bishkek. (in Russian).
5. Serebrennikov, B. A. (1963). Sistema vremen tatarskogo glagola. Kazan'. (in Russian).
6. Baituvganova, I. Zh. (2010). Kategoriya vremennoi lokalizovannosti deistviya v sovremennom kumykskom yazyke: Ph.D. diss. Makhachkala. (in Russian).
7. Karybaev, A., & Kasymova, B. (2001). Sredstva vyrazheniya vidovykh znachenii glagola v kyrgyzskom yazyke. Bishkek.
8. Kononov, A. N. (1960). Grammatika sovremennogo uzbekskogo literaturnogo yazyka. Leningrad. (in Russian).
9. Kondratev, A. G. (1981). Grammaticheskii stroi yazyka pamyatnikov drevnetyurkskoi pis'mennosti VII-XI vv. Leningrad. (in Russian).

10. Baskakov, N. A. (1952). Karakalpakskii yazyk. Fonetika i morfologiya. Moscow. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 14.02.2020 г.*

*Принята к публикации
19.02.2020 г.*

Ссылка для цитирования:

Шаршеева К. К. Языковые средства, выражающие семантику простой повторяемости действия в кыргызском языке // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. №3. С. 634-640. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/52/78>

Cite as (APA):

Sharsheeva, K. (2020). Language Tools Expressing the Semantics of Simple Repeatability of Action in the Kyrgyz Language. *Bulletin of Science and Practice*, 6(3), 634-640. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/52/78> (in Russian).